
Петр Александрович
Ореховский

КРИТИКА НРАВСТВЕННЫХ
ОСНОВАНИЙ НОРМАТИВНОЙ
ЭКОНОМИКИ

Москва
Институт экономики
2014

Ореховский П.А. Критика нравственных оснований нормативной экономики. — М: Институт экономики РАН, 2014. — 44 с.

ISBN978-5-9940-468-5

Экономическая теория, как правило, избегает этических оценок экономической политики, сосредоточивая своё внимание на росте благосостояния. Однако зачастую благосостояние одних субъектов может сопровождаться относительным или абсолютным снижением благосостояния других. Такая ситуация сопровождается неявными допущениями о том, что является морально приемлемым для экономиста, а что — нет.

Кроме того, в теории предполагается, что при помощи правильных стимулов и санкций можно добиться того, чтобы максимизация частных выгод и минимизация потерь сопровождалась ростом общественного благосостояния. Поиск такой правильной модели стимулов и санкций является одной из центральных задач экономической науки. Однако применение модели стимулов — санкций содержит ряд неявных допущений, связанных с нравственными установками исследователей. Использование этих допущений может приводить к ошибкам.

Экономические акторы взаимодействуют с миром не только рыночных, но и социальных норм. Это требует от исследователя репрезентации его нравственных оснований, так как разрушение социальных норм, как и слияние политической и экономической власти приводит к снижению благосостояния в длительном периоде.

Ключевые слова: богатство, нравственные основания, экология, модель стимулов—санкций, альтруизм, рыночные и социальные нормы, рыночная и политическая власть, явные и латентные функции.

JEL: A13, B4, B41, B59, I30, Z18.

ISBN978-5-9940-468-5

© Ореховский П.А., 2014
© Институт экономики РАН, 2014
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

P A. Orekhovsky

Critique the ethic foundations
of normative economy

Moscow,
RAS Institute of Economics,
2014

P A. Orekhovsky *. Critique the ethic foundations of normative economy. – Moscow, RAS Institute of Economics, 2014. – 44 p.

As a rule, economy theory is avoiding moral values economy policy. Instead of this, economists do the accent in growth of welfare. However the growth of welfare of some actors is accompanied by decrease of other actors. Such the situation accompany with implicit assumptions about borders between ethic and wrong judgements.

Besides of this, in the theory to suppose, that with help right incentives – sanctions we can reach situation, where maximization private benefits and minimization of losses accompany by growth social welfare. Investigation this right incentives – sanctions model is central object of economy science. However application model contain a variety of the implicit hypothesis, which connected with ethic foundations of researchers. Usage this assumption can lead to mistakes.

Economic actors interact with world of a market norm not only. They live in world social norms yet. This is requiring representation moral foundations from researchers. As destruction social norms, both alliance of political and market powers leads to decrease welfare in long period.

Keywords: welfare, moral foundations, ecology, market and social norms, market and political power, incentives – sanctions model, altruism, obvious and latent functions.

JEL: A13, B4, B41, B59, I30, Z18.

* Author affiliation: Institute of Economy, Moscow, Russia. Corresponding author: Petr Orekhovsky, orekhovskypa@mail.ru.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Постановка проблемы	6
Глава 2. Полемика вокруг меморандума Л. Саммерса	13
Глава 3. Специфика модели стимулов – санкций	21
3.1. Объективизм	21
3.2. Необходимость альтруизма и «длительной» рациональности	23
3.3. Стимулы и санкции для индивидуальных и коллективных акторов	26
Глава 4. Социальные и рыночные нормы поведения	29
Глава 5. Инструментальные приложения	36
Литература	43

Анализируя все представленные доказательства, я нашла господина Березовского неубедительным и, по своему существу, ненадежным свидетелем, который относился к истине как к изменяющейся концепции, которая может принимать разные формы, чтобы совпасть с его текущими целями.

Судья Элизабет Глостер

Постановка проблемы

Для многих общественных наук характерны нормативные суждения, основанные на нравственных ценностях. Например, в социологии, как и в истории, предполагается, что определённые нравственные установки являются свойствами тех или иных социальных групп, или присутствуют как неотъемлемая часть объектов изучения. Антропный принцип, предполагающий использование «человека как меры всех вещей», требует от исследователя предварительной репрезентации таких установок при вынесении суждений.

Напротив, для экономической науки в целом нехарактерно требование такой предварительной репрезентации. Начиная с А. Смита, центральной задачей анализа является поиск причин увеличения богатства (благополучия). Несмотря на все различия между теоретическими школами, все солидарны в том, что рост благополучия (домохозяйств, фирм, страны в целом) — главная цель экономической политики¹. Соответственно те действия хозяйственных акторов и мероприятия правительства, которые ведут к росту богатства, получают положительную санкцию, — это хорошо. Напротив, то, что ведёт к уменьшению богатства, — это плохо.

1. Следует оговориться, что в данной работе не рассматриваются специфические проблемы отношений между «справедливостью», личным и общественным «благополучием» (см.: Ролз Дж. Теория справедливости. М.: Изд-во ЛКИ, 2010). Понятие справедливости, конечно, входит в систему этики. Однако здесь обсуждается другая проблема: нужно ли вообще привлекать нравственные понятия в экономическую теорию для вынесения нормативных суждений?

В основном к этому и сводятся все нормативные суждения. Редкий исследователь при этом будет отрицать то, что на поведение акторов могут влиять нравственные установки, но последние выступают в качестве *внешнего, экзогенного* по отношению к экономике фактора — социально-культурных институтов. Важность таких институтов, как и важность их изменения, признаётся экономистами, но обычно выносятся за рамки обсуждения.

Определение того, что является «хорошим» и «плохим», часто оказывается затруднено: (а) противоречиями между краткосрочными и долгосрочными последствиями действий акторов; (б) проблемой стоимостной оценки «затрат» и «выгод»; (в) необходимостью учёта трансакционных издержек и внешних эффектов. Поэтому экономические дискуссии вокруг мероприятий экономической политики, казалось бы, носят нейтральный, *инженерный* характер. Оппоненты должны были бы всего лишь выяснять, каким образом при подготовке того или иного решения вёлся учёт затрат и выгод, какие факторы принимались во внимание, от чего и почему абстрагировались. Нравственные ценности экономиста, такие, как совесть — т.е. «способность личности самостоятельно формулировать нравственные обязанности и реализовывать нравственный самоконтроль, требовать от себя их выполнения и производить оценку совершаемых ею поступков ... отвечающая за связь между разумом и эмоциями»² — здесь вроде бы ни при чём. Умение считать и проводить соответствующий анализ никак не связано ни с уровнем нравственности исследователя, ни с нравственными ценностями акторов, которые стремятся к увеличению богатства. Если существует какая-то форма поведения, которая приносит актору *выгоду*, но признаётся обществом безнравственной, то экономист, применяя систему стимулов и санкций, может рассчитать, как сделать такое поведение невыгодным. Стимулы и санкции часто представляются с помощью кривых предельного дохода и предельных издержек; безнравственное поведение в таком варианте — всего лишь определённое значение соответствующих математических функций, представляющих издержки и доход³.

2. Совесть/ Википедия <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EE%E2%E5%F1%F2%FC>

3. Яркий пример подобного экономико-математического анализа, никак не связанного с реальным поведением «поставщиков и потребителей на рынке сексуальных услуг», предлагается в статье:

Модель стимулов и санкций — неотъемлемая часть экономического образа мышления. Хозяйственные акторы должны позитивно реагировать на *стимулы*, позволяющие им увеличить получаемые выгоды, и негативно — на *санкции*, увеличивающие потери. Даже ограниченно рациональные акторы, которые в силу ограниченности «вычислительных способностей» и дефицита знаний о сложившейся экономической ситуации могут совершать ошибки⁴, всё же должны уметь сопоставлять доходы и издержки. Они должны стремиться к прибыли хотя бы из чувства самосохранения. Если актор добивается большего снижения потерь и увеличения выгод, чем другие акторы, принадлежащие тому же конкретному виду (например, фирмы, наёмные работники или, скажем, политические партии), это всеми расценивается как *успех*. Логично предположить, что в таком случае менее успешные акторы будут заимствовать «передовой опыт», пытаясь догнать лидера. Так распространяется технологическое, социальное и политическое знание, и это ведёт к росту дохода как отдельных акторов, так и общества в целом.

Отсюда основной задачей экономистов является определение *правильных* стимулов и санкций для акторов, что способствует как увеличению благосостояния, так и экономическому росту в целом. Прибегая к метафоре, акторы здесь выступают своего рода *объектами дрессировки*, а экономист, использующий «кнут и пряник», играет роль *дрессировщика*⁵.

Модель стимулов и санкций представляет собой очень гибкий и сильный инструмент исследования. Например, если менять условия, в которых действуют те или иные виды акторов, они будут на это реагировать. Если акторы реагируют так, как предполагает экономист, значит, модель «стимулы — санкции» прошла процедуру верификации и налицо прирост экономического знания в какой-то конкретной области. Если акторы реагируют не совсем так, как хочется, это означает, что неправильно рассчитана сила стимулов

Левин М.И., Покатович Е.В. Проституция и мораль: модельный подход к исследованию: http://www.hse.ru/data/560/907/1224/Publ6_Levin.pdf. Стоит отметить, что авторы исходят из весьма высокой степени рациональности акторов, вступающих в сделки на данном рынке. Они знают свои функции полезности, максимизируют удовлетворение, минимизируют издержки и риск и т.д.

4. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 16–38.

5. Такую метафору в нашей беседе как-то привёл В.М. Широнин, которому я благодарен за этот ёмкий образ.

и санкций, нужно поменять величину нормативов, ставок налогов, уровень процентной ставки и т.д. Если же, наконец, акторы вообще не реагируют или реагируют совсем не так, как ожидалось, экономисты будут говорить, что применялись *не те* стимулы и санкции, и нужно искать другие. Поэтому сама методология, на которой основывается поиск стимулов и санкций, даёт исследователю высокую степень защиты. Эта методология *научна*, так как результаты могут быть подвергнуты процедуре верификации (или процедуре фальсификации по К. Попперу). Она *респектабельна*, так как направлена на увеличение как дохода акторов, так и общественного благосостояния в целом. Она является *общей*, охватывая большой круг экономических задач, и — что особенно привлекает — сравнительно легко формализуется и позволяет применять изоцирчённые математические методы (включая теорию игр, оптимизацию, функциональный анализ и т.д.). Наконец, она является *простой, понятной* — несмотря на самые сложные математические формы, метафора «адресировки» сразу определяет содержание работы. При этом послышки (поиск санкций — стимулов) и результаты (описание, за что и сколько теперь надо будет доплачивать, а за что и сколько — штрафовать) адресованы не только коллегам — экономистам, но и широкой публике. Сам вопрос о нравственных установках в данной модели автоматически исчезает — нравственным является то, что одновременно *выгодно при данных, определяемых действующими институтами, условиях*.

В то же время позиции исследователей по различным текущим финансово-экономическим проблемам, как правило, получают в обществе *политическую* оценку. Такая оценка, в свою очередь, основана на различении друга и врага⁶, а это требует фиксации ценностных установок. Признание правильности уравнения, связывающего между собой денежную массу и уровень цен, известное как количественная теория денег, может быть интерпретировано в России как принадлежность к вредной «партии монетаристов»⁷.

6. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. См. также www.politizdat.ru/fragment/43/

7. «...кто же такой «монетарист»? Это человек, верующий в количественную теорию денег... количественная теория денег состоит из ряда взаимосвязанных положений, которые определяли широкую степень согласия экономистов классиков и неоклассиков на всём протяжении XIX столетия». См.: Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД, 1994. С. 640.

Таковая не существует, в противном случае в её ряды пришлось бы записать людей со столь разными убеждениями, как К. Маркс и М. Фридмен, китайские коммунисты и американские неолибералы. Но некоторые российские экономические публицисты считают, что монетаристы – это «тоталитарная секта»⁸. Подобная постановка вопроса предполагает, что оценка одного и того же мероприятия экономической политики может производиться не на основе вышеуказанного «инженерного» критерия увеличения богатства, но и на основе различий в нравственных установках. Относительно нейтральные, «инженерные» суждения всё равно приводят к политическим разногласиям.

Скажем, определённое изменение институтов, которое должно привести к росту богатства общества в целом, но одновременно наносит ущерб благосостоянию отдельной социальной группы, может рассматриваться как неприемлемое. Оно не отвечает критерию Парето, в соответствии с которым улучшение положения одних социальных групп не должно приводить к ухудшению положения других, и поэтому должно быть отвергнуто. Экономисты, использующие данный критерий, воспринимаются как апологеты интересов тех или иных социальных акторов; получается, что они охраняют сложившееся «статус-кво». Однако большинство крупных технологических и, конечно, институциональных инноваций меняет распределение власти в обществе, а заодно и подрывает положение отдельных групп (не говоря уже о том, что эти группы, как социальные общности, могут быть ликвидированы). Для того чтобы выступать в качестве «противника прогресса», требуется соответствующая моральная санкция. Исследователь, выступающий против реформ, должен будет доказать, что предлагаемые мероприятия, хотя и ведут к увеличению богатства, разрушают социальный мир, несправедливы, имеют своим следствием рост преступности и обогащение одних за счёт других и т.д.

Кажется, что несправедливость может быть устранена, если выигравшие социальные группы *компенсируют* величину ущерба пострадавшей социальной группе. Поскольку новаторами – реформаторами утверждается, что в результате мероприятия дости-

8. Хазин М. Современная монетаристская школа является тоталитарной сектой. <http://www.iprno.ru/article.php?idarticle=009518>

гается *общий рост* богатства, постольку «выигрыш» одних должен быть намного больше, чем «проигрыш» других (критерий Калдора – Хикса). Казалось бы, на этом «совесть экономиста» могла бы успокоиться, однако Д. Хаусман и М. Макферсон, используя иллюстрацию, предложенную П. Самуэльсоном, показывают, что это не так⁹. В условиях гетерогенного общества, в котором группы имеют различные предпочтения, выплачиваемые компенсации могут не приводить к росту благосостояния, да и факт увеличения последнего оказывается не так-то просто зафиксировать. Очевидно, «компенсации», выплачиваемые розничными торговцами рэкетирам, оказывает перераспределительный эффект, не влияя на величину благосостояния (если не считать, что содержание растущего поголовья вымогателей является чистым общественным ущербом). Однако вопрос о включении в состав национального богатства профессиональных футбольных и хоккейных клубов уже не является таким однозначным. С одной стороны, такие организации имеют имущество, доходы, владельцев и поэтому, бесспорно, являются капиталом. С другой стороны, если клуб приносит владельцам постоянные убытки, которые приходится покрывать не только за счёт доходов частных владельцев (это реализация их предпочтений, каждый может тратить свои деньги так, как ему больше нравится), но и за счёт государственного бюджета, то многие налогоплательщики могут не одобрить таких затрат. Клуб в этом случае может уже рассматриваться как своеобразное общественное антиблаго (благо с отрицательной полезностью), отражающее стремление элиты страны (или региона) к демонстративному расточительству по Веблену.

Подытоживая, можно сформулировать проблему так:

- являются ли нравственные основания внешними по отношению к нормативным экономическим суждениям? Если да, то тестирование концепций «на нравственность» не входит в задачи экономистов. Напротив, если этот фактор является внутренним, эндогенным, то требуется его репрезентация наряду с другими факторами, влияющими на поведение экономической системы;

9. Хаусман Д., Макферсон М. Философские основания магистрального направления нормативной экономики. В кн.: Философия экономики / Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд. Института Гайдара, 2012. С. 295.

- не требует ли применение модели стимулов – санкций предварительной репрезентации нравственных оснований решений, принимаемых хозяйственными акторами? Если эти основания – *разные*, то одни и те же стимулы – санкции будут приводить к разным последствиям, что требует корректировки исходной модели;
- надо ли отвергать полученное решение, если оно является *выгодным, законным, но противоречащим нравственным основаниям*, являющимся внешними для экономиста – исследователя?

Первый вопрос отчасти уже рассматривался в упоминавшейся работе Д. Хаусмана и М. Макферсона, поэтому необходимо вернуться к их аргументации. Этому и посвящается следующий раздел настоящей работы.

Полемика вокруг меморандума Л. Саммерса

Хаусман и Макферсон полемизируют с Л. Саммерсом, который, будучи главным экономистом Всемирного банка, в декабре 1991 г. разослал коллегам меморандум, содержащий следующие положения:

«Между нами говоря, почему бы Всемирному банку и не поощрять расширение миграции «грязных отраслей» в развивающиеся страны? Я нахожу три довода в пользу этого.

1) Измерение издержек вредного для здоровья загрязнения зависит от упущенных доходов, связанных с повышением заболеваемости и смертности. С этой точки зрения определенный объём вредного для здоровья загрязнения следует размещать в стране с наиболее низкими издержками, то есть в стране с наиболее низким уровнем заработной платы...

2) Я всегда считал, что малонаселённые страны Африки крайне *мало* загрязнены; качество воздуха в них... является неэффективно [высоким] по сравнению с Лос-Анжелесом или Мехико. Только тот печальный факт, что огромные объёмы загрязнения порождаются «неторгуемыми» отраслями (транспорт, генерирование электроэнергии) и что стоимость транспортировки твёрдых отходов столь высока, препятствует торговле загрязнениями воздуха и отходами, которая могла бы повысить благосостояние во всём мире.

3) Спрос на чистую окружающую среду, мотивируемый соображениями эстетики и охраны здоровья, вероятно, характеризуется очень высокой эластичностью по доходу...»¹⁰

Хаусман и Макферсон разбирают неявные послышки, на которых основан меморандум Саммерса, и среди прочего отмечают: «В меморандуме оцениваются экономические ситуации исключительно с точки зрения индивидуального благосостояния. Вследствие преобладания этой особенности магистральное направление нормативной экономики обычно называют экономикой

10. Цит. по: Хаусман Д., Макферсон М. Философские основания магистрального направления нормативной экономики. С. 270–271.

благосостояния»¹¹. Сами же они, рассматривая «этическую основу нормативной экономики», в качестве возможной альтернативы благосостоянию предлагают (а) свободу, (б) права, (в) справедливость. Но все эти три критерия ничего не могут сказать о том, давать ли разрешение на размещение у себя «грязных» производств или нет. Можно попытаться сравнить права на чистую окружающую среду и на смерть от голода с правами на определённый уровень удовлетворения материальных потребностей, совмещаемый с загрязнением. Однако вряд ли для бедной страны присутствует большая свобода выбора.

Кроме того, Хаусман и Макферсон считают, что «Саммерс подразумевает наличие единой системы экономической оценки, которую он принимает как данность. Он полагается на несформулированные этические основания, которые, по его мнению, разделяют его читатели»¹². Это так. Как уже говорилось, экономисты обычно предполагают, что всё, что ведёт к росту благосостояния — хорошо, всё, что снижает благосостояние — плохо. В качестве альтернативы Хаусманом и Макферсоном предлагается наличие *нескольких* этических точек зрения, которые меняются в зависимости от проблемы. Однако если эти точки зрения не подчиняются единым критериям, то такая система нормативных оценок становится внутренне противоречивой. Единственный выход из таких противоречий — вынести этические суждения за пределы экономических дискуссий, решив, что этические понятия исполняют «независимую роль: важны, но не имеют отношения к экономической науке»¹³. Именно такой подход и отвергается оппонентами Саммерса.

Действительно, благосостояние и рост признаются экономистами более важными, нежели охрана окружающей среды. Внимание к последней усиливается по мере увеличения дохода. Так, Ю.В. Яременко говорил следующее в своём интервью С. Белановскому: «В послевоенные годы развитые страны в возрастающей мере концентрировали у себя технологии высших уровней, интеллектуальные ресурсы, НИОКРовские заделы. Производство и эксплуатация тяжелого оборудования всё больше перемещаются в

11. Там же. С. 272.

12. Там же.

13. Там же. С. 273.

страны среднего уровня развития, а производство сырья и экологически грязные технологии переходят в слаборазвитые страны. Об этом процессе нельзя судить только по технологическому уровню производства, так как очень часто технология может быть сравнительно высокой, но компенсационный эффект осуществляется не в виде больших трудозатрат, а в виде экологического ущерба и соответственно ухудшения здоровья населения. Например, в какой-то период фабрики по обработке кож сконцентрировались в Индии и стали отравлять там реки. Ясно, что у Индии не было возможности приобрести добротные технологии, поэтому страна расплачивается за экономический рост своей природной средой и здоровьем нации. Именно в этом и состоит компенсационный эффект, который не хотят на себе испытывать развитые страны»¹⁴.

Перенос «грязных производств» из богатых в бедные страны отнюдь не является единственным примером якобы «аморальности» магистрального направления нормативной экономики, просто в данном случае Л. Саммерс позволил себе высказаться достаточно прямо. Рассмотрим несколько других известных примеров, неявных, так как их авторы и интерпретаторы стараются воздерживаться от нормативных рекомендаций.

Рост населения в богатых и бедных странах

Модель экономического роста Р. Солоу включена в большинство учебников по макроэкономике. Она рассматривает изменения производительности (при прочих равных условиях, в частности, при неизменности доли работающих в общей численности населения, производительность одновременно характеризует размер душевого ВВП), капиталовооружённости, нормы сбережения, роста населения и других факторов (включая научно-технический прогресс) в долгосрочном периоде. Последствия изменений темпов прироста населения (при прочих равных условиях) отражаются на следующем графике:

14. Яременко Ю.В. Экономические беседы. Запись С.А. Белановского. М.: Центр исследований и статистики науки, 1999. С. 114.

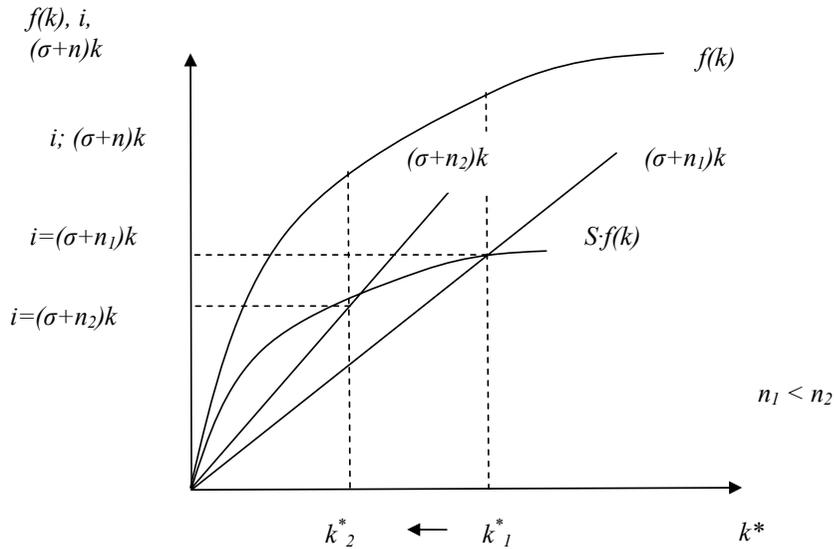

Рис. Рост населения и устойчивый уровень капиталовооружённости

Где: k^* – устойчивый уровень капиталовооружённости;
 $f(k)$ – производительность (душевой ВВП);
 σ – износ (выбытие) капитала;
 s – норма сбережений;
 i – инвестиции;
 n – темп прироста населения (рабочей силы)

При одинаковой функции Солоу $f(k)$, норме сбережений s , и норме выбытия капитала σ оказывается, что более высокие темпы прироста населения ($n_1 < n_2$) приводят к сокращению устойчивой капиталовооружённости и соответственно снижению ВВП на душу населения.

Как в этом случае добиться роста благосостояния? Очевидно, если оставаться в рамках логики модели Солоу, необходимо сдерживать рост населения. Это оправдывает неомальтузианские методы регулирования численности населения, однако такие рекомендации редко озвучиваются в современных экономических работах.

С другой стороны, процессы старения и сокращения численности населения в богатых странах приводят к кризису пенсионных систем, появлению структурных диспропорций на рынке

труда. Эти проблемы находятся в центре внимания. Стимулирование рождаемости, регулирование миграции, в том числе – «импорт человеческого капитала» из развивающихся стран являются обычными нормативными рекомендациями в этом случае.

Если рассматривать процесс регулирования темпов прироста населения с точки зрения максимизации благосостояния, то разный подход к ценности жизни человека в бедной и богатой стране представляется вполне естественным. Однако прямое признание различий ценности граждан богатых и бедных стран противоречит общепринятой официальной морали, утверждающей равенство такой ценности. Нормативные рекомендации, которые направлены на увеличение благосостояния, но противоречат такой морали, экономистами подразумеваются, но их публичная репрезентация происходит редко¹⁵.

Ценность жизни в прикладных инженерно-экономических задачах

Тем не менее существует целый ряд задач, связанных с безопасностью, где ценность человеческой жизни напрямую участвует в экономических расчётах. К ним относится, например, задача обеспечения безопасности участников дорожного движения. Так, если возникает задача обустройства пешеходного перехода на оживлённой дорожной трассе, где случаются транспортные аварии, возможен ряд решений (проранжируем их по стоимости реализации мероприятий):

- нанесение дорожной разметки (зебры) – нерегулируемый пешеходный переход;
- зебра и установка светофоров, регулирующих движение;
- строительство эстакады над дорожным полотном;
- строительство подземного перехода.

Последние варианты наиболее дорогие, однако они позволяют избежать остановки транспортного потока. В силу этого об-

15. См., например: *Саррацин Т.* Германия: самоликвидация. М.: АСТ, 2013. Несмотря на то, что многие из мыслей, высказанных в этой работе, почти банальны и «по умолчанию» признаются немецкими политиками и экономистами, их публикация вызвала скандал и многочисленные упрёки в неполиткорректности, адресованные Т. Саррацину.

стоятельства именно эти решения применяются при обустройстве переходов на железной дороге. Эстакада и подземный переход обеспечивают более высокий уровень безопасности, нежели организация регулируемого и тем более нерегулируемого перехода.

Выбор того или иного решения будет непосредственно зависеть от того, как оцениваются вероятность транспортного происшествия и ценность человеческой жизни. Понятно, что последняя представляется некоей условной величиной, позволяющей рассчитать «срок окупаемости» перехода. Однако такая величина не может сильно отрываться от реальных величин — таких, как средние (точнее, медианные) доходы в данном городе, регионе или в стране. И естественно, что более высокий душевой ВВП при прочих равных условиях приводит к созданию более безопасных и комфортных условий дорожного движения.

Аналогичный алгоритм решений действует и в отношении условий безопасности труда в промышленности, энергетике, строительстве. И то обстоятельство, что условная ценность жизни даже в рамках одной страны, но в разных городах и в разных сферах деятельности оценивается по-разному, не обсуждается, но принимается как факт. Например, распространение требований безопасности атомной энергетики на, скажем, российскую химическую промышленность привело бы к резкому удорожанию продукции и падению конкурентоспособности этой отрасли.

Наконец, уровень душевого ВВП также непосредственно сказывается и на заботе об инвалидах. Создание дружелюбной, комфортной к людям с ограниченными возможностями городской среды невозможно, если эта среда не обеспечивает относительно высокого уровня безопасности и комфорта даже здоровым людям. Если на маршруты общественного транспорта выходит только половина от требуемых автобусов, трудно ожидать, что все эти автобусы будут оборудованы специальными подъёмниками, а городские остановки — пандусами.

Суррогатное материнство

Наконец, разница в фактической ценности жизни проявляется и на микроуровне. Относительно богатые субъекты, опла-

чивая услуги суррогатных матерей, получают очевидное преимущество перед теми субъектами, которые не обладают такими возможностями. При этом, поскольку функционирование рынка услуг суррогатных матерей приводит к увеличению благосостояния и одновременному росту населения, различие в ценности жизни детей богатых и бедных семей также не репрезентируется и не обсуждается. Она признаётся таковой фактически, «по умолчанию», получая денежную оценку, равную стоимости услуг клиники и суррогатной матери.

Если распространить логику благосостояния в политическую сферу, становится ясно, что обладающие большим богатством домохозяйства, фирмы, страны одновременно приобретают и *власть*. Под последней обычно понимаются отношения господства — подчинения. Как можно интерпретировать *господство* в условиях юридического равенства, которое предполагается в *равном, рыночном* обмене? Господство вообще — способ заставить социальных индивидов делать то, что требуется обладающему властью субъекту. В случае рыночной власти господство осуществляется через оплату услуг относительно бедных акторов более богатыми¹⁶. В результате таковых услуг благосостояние бедных увеличивается. Как мы видели, часто побочными следствиями такого роста благосостояния являются ущерб для здоровья, загрязнение окружающей среды, регулирование семьи, перевод человеческого тела в разряд товаров (в случае суррогатного материнства или продажи органов) и т.д. Экономисты «магистрального направления» не видят в этом для себя моральных проблем — конечно, если сделки совершаются «по добровольному согласию и в рамках действующего законодательства».

В конце концов, не будет большой натяжкой сказать, что предпочтения богатых акторов, обладающих рыночной властью, для экономистов мейнстрима являются более значимыми, чем предпо-

16. Вообще говоря, в экономической теории под «рыночной властью» обычно понимается доля рынка, принадлежащая тому или иному актору. Большая доля рынка позволяет контролировать цены, устанавливать «барьеры входа» и т.д. Тем самым рыночная власть во многом отождествляется со степенью монополизации рынка. Последняя представляет собой своеобразный *потенциал власти*: монополия может находиться под жёстким контролем других акторов (в частности, государства), которые могут не позволить монополии реализовать это *потенциальное* господство. В данном же контексте рыночная власть, как и власть вообще, понимается как *непосредственное* господство, дающее право субъекту добиваться от остальных того, что он хочет.

чтения бедных. Поэтому вполне естественно, что богатые страны диктуют правила поведения бедным. В том числе правительства богатых стран могут требовать от правительств бедных стран проведения таких экономических мероприятий, которые считают неприемлемыми для своего собственного населения и фирм. И это не только политика регулирования рождаемости, но и, например, требования бездефицитного бюджета, ликвидации дотаций и тарифной защиты для тех или иных отраслей, отказа от развития атомной энергетики и т.д.

Наверное, с учётом посылки равенства ценности человеческой жизни, многие требования, которые богатые акторы предъявляют бедным, могут расцениваться как аморальные, безнравственные. Однако по-настоящему плохим и подлежащим осуждению для мейнстрима является только то, что мешает росту благосостояния. Всё остальное выходит за рамки общепризнанных задач экономической науки. Нравственные ценности в таком случае выглядят действительно внешними и во многом излишними по отношению к мероприятиям политики.

Ход рассуждений, выводящий нравственные основания за пределы экономического анализа, предполагает, что обладающие рыночной властью, сильные акторы перекладывают на более слабых часть социальных и экологических издержек, оплачивая их частично (полная компенсация, которая предполагала бы равенство сильных и слабых, сделала бы такое перекладывание ущерба невыгодным). Тем не менее, забегая вперёд, укажем, что часть макроэкономических и институциональных проблем, которая предполагает сопоставление затрат и выгод, всё же требует репрезентации нравственных установок. В противном случае определение перечня этих затрат и выгод становится сомнительным, неточным. При анализе социальных реформ, таких, как реформы образования и здравоохранения, налоговые или пенсионные, переложить собственные издержки на внешних акторов (в частности, на другие государства) не получается, издержки — и денежные, и моральные — в таких случаях становятся *внутренними*. Однако эта проблема лежит совсем в иной плоскости, нежели представляется Хаусману и Макферсону.

Специфика модели стимулов – санкций

На первый взгляд применение модели стимулов – санкций не требует от исследователей репрезентации нравственных предпосылок. Более того, сама метафора «дрессировки» является позитивистской и не допускает не только нравственных, но даже нормативных суждений: акторы реагируют на поступающие сигналы так, а не иначе, потому что *им так выгодно*. Вопрос, *почему они решили*, что так им выгодно, уже выходит за рамки модели.

По нашему мнению, метафора «дрессировки» неверна. Модель предполагает несколько специфических неявных допущений, которые требуют предварительной репрезентации. Последняя процедура приводит к существенной корректировке как самой модели, так и процедуры её построения.

3.1. Объективизм

Большая часть исследователей, применяющих модель стимулов – санкций, неявно предполагает, что сами они находятся вне экономической системы и представляют собой некий независимый от общества, «объективный» дух познания. Такой взгляд характерен для многих экономистов, пытающихся решать *актуальные* задачи, и объективизм в этом случае обычно не замечается. Напротив, это обстоятельство фиксируется – и является важнейшим для специфической области экономической теории – *истории экономического анализа*. В большинстве работ исследователей, которые специализируются в данной области, так или иначе рассматривается проблема влияния «исторической среды» на взгляды экономистов¹⁷.

Объективизм приводит к ошибкам двоякого рода. Сами ошибки не остаются незамеченными экономистами, однако их связь с объективизмом, как правило, не рассматривается.

Ошибка *первого рода* связана со специфическим научным романтизмом, оптимизмом познания. Если представить это неявное

17. Шумттер Й. История экономического анализа: в 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001.

допущение в терминах нравственных установок, то такие экономисты считают себя *умнее* своих объектов познания, хозяйственных акторов. Манипулируя стимулами и санкциями, они могут добиться нужного поведения. Исследователи допускают, что акторы могут быть ограниченно рациональны, но почему-то *не применяют это допущение к самим себе*. Такая ошибка характерна для тех экономических школ, которые настаивают на увеличении государственного активизма в деле установления правильных стимулов и санкций. Естественно, что такой подход резко критиковался как сторонниками австрийской школы¹⁸, так и либералами в целом; ситуация, когда акторы оказываются умнее, чем экономист, придумывающий для них систему стимулов – санкций, даже получила соответствующее название: «эффект кобры»¹⁹. Это название связано с давней ситуацией в Британской Индии: когда змеи стали наносить большой вред стадам скота, английские колонизаторы ввели выплаты для местного населения за мёртвых кобр, сдаваемых в приёмные пункты. Но туземцы, вместо того чтобы истребить кобр, стали их разводить в домашних условиях.

Ошибка *второго рода* связана с представлением об «экономических лабораториях». Исследователи, создающие модели экономических систем (как правило, математические, но не только), занимают позицию стороннего наблюдателя, находящегося вне экономической системы (в изолированной лаборатории). Такая идея заимствована из естественных наук; в лаборатории воссоздаются искусственные условия, в которых можно анализировать влияние «чистых» стимулов и санкций, ослабляя или усиливая их влияние с помощью имитационных моделей, вербальных или математических.

Но, даже уединившись в лаборатории, экономист сохраняет свои ценностные установки и некое представление об обществе в целом. Шумпетер называл последнее *видением* (vision)²⁰, марксистская школа – несколько наивно – связывала это эконо-

18. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992.

19. Зиберт Х. Эффект кобры: Как избежать заблуждений в экономической политике. М.: Новое издательство, 2005.

20. Шумпетер Й. Наука и идеология. В кн.: Философия экономики. Антология / Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. С. 247–264.

мическое мировоззрение с классовыми интересами²¹. В результате сконструированная таким образом модель использует ту систему стимулов и санкций, которая наиболее предпочтительна для той или иной социальной группы, однако неприемлема с точки зрения других групп. Парадоксальным образом в результате изолирования от реального мира «лабораторные экономисты» оказываются объектом манипуляции со стороны акторов, которые должны были бы выступать «подопытными кроликами».

Стоит оговориться, что признание недостатков объективизма не означает отказ как от государственного регулирования, так и от использования моделей стимулов – санкций в экономической теории. Однако экономические акторы – не объекты дрессировки. Выстраивание действительно эффективной системы стимулов и санкций возможно только в результате интерактивного взаимодействия экономистов и субъектов хозяйствования, что предполагает расширение арсенала экономических инструментов за счёт опросов, интервью и других *социологических* методов исследования. Кроме того, такое признание требует изменения и уточнения статистических процедур, позволяющих идентифицировать разнородность, гетерогенность как собственно экономических акторов, так и социальных групп. Такие изменения в подходах позволят уточнить (и, если угодно, согласовать) стимулы и санкции, применяемые к акторам, что сделает модели более корректными.

3.2. Необходимость альтруизма и «длительной» рациональности

Г. Саймон пишет о том, что рациональность правильнее было бы рассматривать как просто разумное, логичное поведение²². Но такое понимание рациональности сразу же ставит под сомнение не только оптимизацию, выбор наилучшего варианта, но и логику экономического поведения в принципе. Корысть, жадность, свойственные максимизации дохода – человеческие пороки, под-

21. Наивность связана не только с тем, что социальное происхождение многих «левых» экономистов противоречило их социалистическим взглядам, но и с методологической проблемой: интересы каких классов будет выражать экономическая теория в бесклассовом обществе?

22. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 18–22.

лежащие общественному осуждению; напротив, альтруистическое поведение приветствуется обществом. Однако альтруистическое поведение акторов не укладывается в модель стимулов – санкций, самопожертвование индивидуумов может быть разумным в рамках самых разных мотивов – религиозных, эстетических, научных и т.д., при этом разные мотивы, подчиняясь определённым традициям, накладываются друг на друга. Анализ таких мотивов в экономической теории является одним из направлений институционализма, восходящим к работам Т. Веблена²³. Однако признание того, что основная или хотя бы существенная часть потребительских товаров и услуг обладает вебленовскими эффектами, разрушает представление о наличии функциональной взаимосвязи между ценой и объёмом продаж, известной в микроэкономике как «закон спроса». Такое признание заодно означало бы, что многие экономические исследования, связанные с «законом спроса», обладают ничтожной научной ценностью. Поэтому если применить понятие рациональности к поведению самих экономистов, то выделение «вебленовских товаров» в особый, относительно незначительный случай и сохранение «закона спроса» в качестве главного инструмента экономической теории становятся совершенно логичными и рациональными. Данный пример показывает разницу между *рациональностью* и *стремлением к истине*, не укладывающимся в систему общепринятых взглядов. Последнее, если рассматривать усилия познающего субъекта в рамках модели стимулов – санкций, является очевидно иррациональным поведением.

Альтруизм можно попытаться представить как своеобразную «долгосрочную» рациональность – акторы зарабатывают репутационный капитал, создают кредитную историю, что приводит к максимизации выгод и минимизации потерь в длительном периоде, который охватывает, в сущности, весь «жизненный путь» актора. Противоположностью такого поведения является оппортунизм, как его определяет О. Уильямсон: «преследование личного интереса с использованием коварства. Подобное поведение включает такие его более явные формы, как ложь, воровство и мошенничество, но едва ли ограничивается ими. Намного чаще под оппор-

23. Веблен Т. Теория праздного класса. М: Прогресс, 1984.

тунизмом подразумеваются более тонкие формы обмана, которые могут быть активными и пассивными, проявляться *ex ante* и *ex post*»²⁴. Оппортунизм оказывается в центре внимания *экономики права*, при этом анализируются стимулы к соблюдению и/или несоблюдению договоров (и прав собственности) и санкции, которые применяются за их нарушение²⁵. Таким образом, мало выстроить правильную систему стимулов – санкций, которая подвигала бы акторов к увеличению общественного благосостояния, нужно ещё разработать дополнительную систему стимулов и санкций, которая бы мешала акторам разрушать первую систему. Этот мыслительный круг в принципе можно продолжить, теперь уже применительно к судьям и правоохранительным органам – а какова должна быть система стимулов и санкций для этих акторов, чтобы они не разрушали своими действиями систему стимулов и санкций, предотвращающую оппортунизм других акторов? Где гарантии того, что судьи и правоохранительные органы тоже не подвержены оппортунизму?

Вышесказанное не означает, что выработанные экономической права решения, позволяющие ограничить оппортунистическое поведение, неверны. Однако это показывает, что понятие рациональности, трактуемое как максимизация выгод и минимизация потерь, присущее акторам, не позволяет решить проблему оппортунизма – исследователь попадает в ситуацию «дурной бесконечности» (надзиратели должны будут вновь и вновь разрабатывать модель стимулов и санкций для надзирающих). Эта проблема легко решается, если допустить, что в обществе существуют не «экономически рациональные», но просто разумные акторы, соблюдающие договора и законы потому, что это *правильно*. Как это ни парадоксально, но для того, чтобы система стимулов и санкций работала, необходимо допустить существование в ней альтруистов – людей, на поведение которых *эта система не оказывает влияния*. В свою очередь, явное принятие такого допущения означает, что существуют сферы, в которых традиционные представления о стимулах и санкциях являются неверными и которые основаны на иных нрав-

24. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996. С. 97.

25. Познер Р. Экономический анализ права: в 2 т. СПб.: Экономическая школа, 2004.

ственных ценностях, предполагающих и иные нормативные суждения. Об этом пойдёт речь в следующем разделе настоящей работы.

3.3. Стимулы и санкции для индивидуальных и коллективных акторов

Когда в микроэкономическом анализе без специальных оговорок используется термин «фирма», то имеются в виду как руководители (менеджмент), так и собственники «в одном лице». Синонимом фирмы является термин «производитель», который может означать и индивидуума, и коллектив. Таким образом, на наш взгляд, применяется не вполне корректная процедура агрегирования. Для упрощения анализа используются категории, обозначающие типы определённых коллективных акторов – «фирма», «монополия», «регион», «партия», «правительство». Создаваемые в теории коллективные сущности также наделяются свойством индивидуальной рациональности (а заодно и специфической морали) – фирма стремится к выживанию, выбирая оптимальное сочетание доходов и издержек, правительство добивается благосостояния, соответствующего максимуму эффективности работы общественного сектора, и на всех этих акторов распространяется действие стимулов и санкций.

Естественно, что такие «коллективные акторы» выполняют определённые, необходимые обществу функции, и в силу этого они могут хорошо описываться с помощью социологического функционального анализа. Однако кроме основных (явных) функций, у таких акторов всегда есть и латентные, скрытые функции, выделенные Р. Мертоном²⁶. При разработке стимулов и санкций наличие таких латентных функций игнорируется, как, впрочем, игнорируется и возможность оппортунистического поведения коллективных акторов. Более того, экономисты исходят из «чистых типов» организаций, выполняющих те или иные явные социальные функции, и наделяют их нравственными свойствами законопослушности, эгалитарности (качество предоставляемых ими услуг и товаров регулируется только ценой и не зависит от социального статуса клиента), доверия (това-

26. Мертон Р. Явные и латентные функции. В кн.: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. С. 105–187.

ры и услуги отпускаются в кредит), наконец, достаточно высокой рациональности (фирмы и организации быстро и полно понимают сигналы, свидетельствующие о введении новых стимулов и санкций). Если поведение реального коллективного актора отличается от теоретически предсказанного, это всего лишь означает, что на него повлияла «X-неэффективность». «Чистый тип» полностью рационален, реальные представители ограниченно рациональны, в целом же реакция тех и других на стимулы и санкции одинакова.

Если включить в анализ латентные функции и допустить возможность оппортунизма коллективных акторов, то возникает *несколько* вариантов поведения. Например, как нами продемонстрировалось в другой работе, под одним и тем же названием «фирма» на рынке могут действовать разные акторы:

Таблица. Типы неявных контрактов фирм²⁷

	«Фирма»	«Банда»
Рутинны финансового планирования	Стандартные рутинны финансового менеджмента: повышение капитализации, рост рентабельности, ликвидности. Косвенное следствие – уплата высоких налогов. Прямые договора на поставку товаров и услуг, кредитование в банках.	Максимизация денежного потока и повышение доходов «членов банды». Отсутствие прибыли («большая прибыль – плохой бухгалтер»), «налоговая оптимизация». Договора с аффилированными структурами-посредниками, через которых закупается сырьё, реализуется продукция, осуществляются займы.
Рутинны менеджмента	Распределение обязанностей совпадает с должностными инструкциями, между сотрудниками – доброжелательно-нейтральные отношения, составляются оперативные и перспективные планы, бюджеты и контролируется их исполнение. Высокий уровень информационного обмена между разными уровнями и сферами управления.	Должностные инструкции не соблюдаются, полномочия распределены в соответствии с личной харизмой начальников, отношения сотрудников характеризуются подозрительностью, «стукачеством», личными интригами. Планы разрабатываются, но могут не исполняться или легко меняться. Сотрудники «прячут» информацию от соседних подразделений.

27. Ореховский П. Инновационная экономика в свете теории неявного контракта // Общество и экономика. 2011. № 3. С. 5–35.

Окончание табл.

	«Фирма»	«Банда»
Рутинные стратегической коммуникации (пиара)	Высокая открытость финансовой информации, а также производственных данных, связанных с повышением качества продукции, новыми инвестпроектами.	Агрессивная реклама продукции и услуг. Почти полная закрытость финансовых и производственных данных, постоянные ссылки на «коммерческую тайну».
Интерпретация понятия «юридическое лицо»	Бизнес, который ведётся в соответствии с законными (легальными) процедурами.	«Маска», за которой можно спрятаться от государства и создать своё «протогосударство» с особыми законами
Продолжительность контракта	Фирма планирует деятельность в долгосрочном периоде; в идеале, избегая банкротств, «живёт вечно»	Краткосрочные контракты. По мере ослабления воли и контроля со стороны «главаря» – распад и делёж бизнеса

Как показал М. Олсон, коллективные акторы обладают гетерогенностью. Они обладают разной степенью рациональности, разными ценностями и разной способностью к совместным действиям. В результате формируются и различные структуры политического поля, которые предопределяют развитие или упадок государства²⁸. Возможно даже, что большинство членов той или иной партии, профсоюза, отраслевой ассоциации или какой-то другой организации (включая коммерческую фирму) могут предвидеть отрицательные последствия курса действий, осуществляемого их «коллективным актором». Однако потенциальные личные издержки этих рациональных индивидов оказываются выше, чем оценка потенциального личного выигрыша. Дееспособной оказывается лишь «малая группа». И вроде бы рациональный и коллективный актор совершает самоубийство. Фирма терпит банкротство, профсоюз теряет членов и исчезает, в государстве перестаёт действовать конституция, и оно теряет и прежнее политическое единство, дававшее гарантии безопасности гражданам, а заодно и территориальную целостность. Такое поведение коллективных агентов далеко не редкость, но оно игнорируется моделью стимулов – санкций.

28. Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. М: Новое издательство, 2013.

Социальные и рыночные нормы поведения

Возвращаясь к выдвинутому ранее тезису, что для работы стимулов и санкций необходимо наличие акторов, на которых эти стимулы и санкции не действуют, отметим, что в поведенческой экономике разграничивают миры, где доминируют социальные и рыночные нормы. Как показывает Д. Ариели, при доминировании социальных норм решение некоторых задач может оказаться даже более эффективным с точки зрения сопоставления затрат и результатов, чем при доминировании рыночных²⁹. Применение социальных норм основывается на альтруизме и ожиданиях взаимной помощи.

Производство и использование таких общественных благ, как образование, исторически велось на основе использования социальных норм. Но убежденность экономистов в том, что рынок — самый эффективный механизм распределения ресурсов, приводит к введению в эти сферы рыночных норм. По мнению Ариели, это плохо: «В настоящее время мне представляется, что стандартизованная структура тестирования и зарплаты, связанной с результатами работы, толкает образование от социальных норм к рыночным. Соединенные Штаты уже тратят на каждого студента больше денег, чем любая другая страна Запада. Будет ли мудрым решением впрыснуть в систему ещё больше денег? То же самое справедливо и в отношении тестирования: оно и так проводится очень часто, и дальнейшее увеличение частоты вряд ли сможет улучшить качество образования.

Я подозреваю, что решение этой проблемы кроется в области социальных норм. Как мы поняли из наших экспериментов, деньги могут решить проблему в краткосрочной перспективе — но именно социальные нормы являются той силой, которая может привести к изменению ситуации в отдаленном будущем.

Вместо того чтобы концентрировать внимание учителей, родителей и детей на оценках за тесты, зарплаты и конкуренции,

29. Ариели Д. Поведенческая экономика. Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 87–100.

было бы лучше наполнить их ощущением цели, миссии и гордости, связанной с образованием»³⁰.

Дело не только в том, что образование находится в сфере социальных норм. Специфика работы учителя в определённой «неделимости» услуги образования. Такая неделимость имеет мало общего с неделимостью такого блага, как оборона страны. Тем не менее если учитель или профессор работают с аудиторией, они не могут дифференцировать объём и качество «образовательных услуг» для бедных и богатых учеников или студентов, оказавшихся в одном классе и посещающих одни и те же занятия. Попытка же это сделать — и перейти к рыночным нормам поведения — разрушает доверие между учителем, учениками и родителями учеников. И доказать, что произведённые образовательные услуги были действительно высшего качества, становится невозможным. Все измерения результатов влияния системы стимулов и санкций на преподавателя с помощью тестирования его учеников носят крайне условный характер.

Ещё более ярко подобная «неделимость» выступает в сфере здравоохранения. Если богатый индивид платит больше за услуги врача, будь то в частной клинике, будь то в государственной, бюджетной, трудно представить, что при лечении к нему будут применены какие-то принципиально иные методы и будет получен принципиально иной результат, нежели к больному с меньшим уровнем дохода. Доктор либо лечит, либо нет. Нарушение принципов врачебной этики приводит к потере доверия между больными и докторами, в такой ситуации пациенты в принципе не могут быть уверены в пользе лечения. Положение, в котором потребители не могут оценить полезность или вредность предоставляемых им благ означает фиаско рынка, рыночные нормы в таких условиях «не работают».

Естественно, что и среди врачей, и среди учителей встречаются люди, меняющие своё профессиональное поведение в зависимости от ожидаемой оплаты своих услуг, но пока это всё же меньшинство — российские реформы образования и здравоохранения никак не могут достичь желаемого результата и подчинить эти сферы рыночным нормам. Другие сферы, где также должны доминировать социальные нормы, это государственное управле-

30. Там же. С. 103–104.

ние, общественная безопасность и защита правопорядка. Судя по многочисленным сообщениям о коррупции в этих сферах, там рыночные нормы внедряются в сознание индивидов гораздо более эффективно.

Проблема, которую фиксирует Д. Ариели, в рамках настоящей работы может быть проинтерпретирована следующим образом. Применение рыночных норм в сферах, где до этого доминировали социальные нормы, может привести к снижению благосостояния. Снижение может оказаться незамеченным в силу нравственных установок экономистов, а это подрывает претензии на истинность выдвигаемых исследователями утверждений. Если не рассматривать «совесть» в качестве фактора, который влияет на поведение хозяйственных акторов не менее существенно, чем «корысть», то увеличение транзакционных издержек, в сущности, пройдёт незамеченным. Исключением будут разве что отдельные «пограничные» работы социальных философов и институционалистов, посвящённые доверию³¹.

Как уже указывалось, социальные, а не рыночные нормы поведения должны доминировать и в проведении научных исследований. Если эксперт признается, что публикуемые им научные результаты получены не на основе стремления к истине, а исходя из размеров ожидаемого вознаграждения, это будет равносильно уничтожению его репутации, своеобразному социальному самоубийству его как учёного.

Тем не менее социальные нормы увеличивают благосостояние в *долгосрочном*, а не в *краткосрочном* периоде. Напротив, ориентация на рыночные нормы ведёт к увеличению дохода участников сделок в ближайшей перспективе. Утрата доверия, рост напряжённости и конфликтов, а также борьба за «чистоту профессии» возникают потом. Противоречие между краткосрочными и долгосрочными результатами мешает увидеть, что применение модели стимулов – санкций разрушает «экзогенные культурные институты», наличие которых не фиксируется в составе богатства. В действительности же социальные нормы, которые и формируют эти институты, являются той частью экономической системы,

31. См., например: Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004.

которая производит общественные и квазиобщественные блага. Социальные нормы при этом частично могут быть формализованы в юридических установлениях. С некоторыми терминологическими поправками — задолго до поведенческой экономики — на возможности разрушения социальных норм и связанных с этим потерях благосостояния указывал и один из основателей теории общественного выбора Дж. Бьюкенен: «Система законов, формализованы ли они на практике или нет, представляет из себя общественный капитал, отдача от которого повышается с течением времени... Характеристика закона как капитального блага очень важна и при его составлении на конституционной стадии, и при поддержании уже существующего закона. В той степени, в какой достижение соглашения о законе или об изменениях в нем сопряжено со значительными транзакционными издержками, выгоды от соглашения могут быть недостаточными для принятия формализованных правил, если ожидается, что они будут действовать только в течение короткого времени... Отношение между доходом на общественный капитал, каким является конституционно-правовая система, и временем таково, что непрерывный вечный поток дохода, если вдруг он прервался, может быть восстановлен только за период, превышающий горизонт планирования отдельного индивида. Поэтому эрозия общественного капитала — это мина замедленного действия, а не простое его «проедание». На практике общественный капитал может быть потерян навсегда, если он был однажды размыт. Восстановить его может оказаться просто невозможно, по крайней мере, на основании рациональных решений индивидов.

Если диагноз общества показывает, что индивиды, организованные группы и государство создают «общественные антиблага», всё сильнее нарушая традиционно почитаемые нормы поведения, а также формализованный и неформализованный законы, то тогда признание капитальных или инвестиционных характеристик разрушаемых «общественных благ» оказывает значительно более сильное корректирующее влияние на поведение, чем какая бы то ни было их трактовка как потребительских благ»³².

32. Бьюкенен Дж. Границы свободы (между анархией и Левиафаном). В кн.: Бьюкенен Дж. Сочинения. М.: «Таурус Альфа», 1997. С. 365–370.

К сожалению, с последним выводом Бьюкенена трудно согласиться, в противном случае действие социальных норм восстанавливалось бы автоматически. И в России, и в западных странах «индивиды, организованные группы и государство создают «общественные антиблага», всё сильнее нарушая традиционно почитаемые нормы поведения». Однако, как показал М. Олсон, это не приводит к последующему корректирующему влиянию на поведение. Более того, экономическая теория зачастую просто не замечает этого процесса, за исключением, пожалуй, феномена коррупции.

Существует три властных императива, которые определяют поведение социальных акторов. Выше мы уже говорили о рыночной власти: «делай, как я сказал, я тебе заплачу». В политической сфере власть основана на административном принуждении и статусе: «делай, как я сказал, поскольку я твой начальник». Отказ от исполнения приказа приводит к санкциям. В мире социальных норм действует господство «образца», примера, которому хочется следовать без принуждения и материальной компенсации: «делай, как я, делай лучше меня». Если же за следование образцу полагается компенсация, как при рыночных нормах поведения, то возникает сомнение, насколько искренним был поступок индивида. Кроме того, теперь он может просто отказаться от ожидаемых действий, если сочтёт компенсацию недостаточной – и окружающие уже не смогут обвинить его в «бессовестности». И при обсуждении мероприятий, которые изменяют организацию и финансирование сфер, где доминируют социальные нормы, оппоненты вправе ожидать друг от друга предъявления нравственных оснований высказываемых суждений. И обычное нейтральное заключение: «индивид с более высоким уровнем дохода вправе покупать более качественные, более дорогие продукты по сравнению с индивидом с низким уровнем дохода» становится спорным при его трансформации в мире социальных норм. Например, утверждение «индивид с более высоким уровнем дохода вправе ожидать, что решения суда будут всегда выноситься в его пользу, нежели в пользу индивида с низким уровнем дохода», будет вызывать протест. Однако если последовательно переносить категории благосостояния *во все сферы жизни* общества, разве не будет логичным предположить, что предпочтения более богатого субъекта должны иметь повсеместный приоритет по сравнению с более бедными субъектами?

По нашему мнению, такой перенос некорректен. Если субъект, обладающий богатством и рыночной властью, приобретает политическую власть, возникает возможность использования административного принуждения для извлечения дополнительного дохода. Такой субъект получает *статусную ренту*, которая является результатом специфических преимуществ, и эти преимущества не могут быть устранены в результате экономической конкуренции. Субъект может быть лишён и статусной ренты, и своих преимуществ только тем же способом, которым он их получил — а именно в результате политической борьбы.

Если подобный «олигархический» статус закрепить юридически, то возникнет ситуация «закрытой монополии», что означает конец привычного экономистам режима «свободного рынка». В рамках марксистской терминологии подобное юридическое закрепление административного статуса богатых субъектов означает «возврат к феодализму», к сословному обществу. В таких обществах доминирует внеэкономическое принуждение к труду, а стимулы и санкции основаны на страхе перед насилием, а не на ожидании увеличения или падения дохода. Здесь тоже формируются свои социальные нормы — от «низших слоёв» ожидается «подлое», а от аристократии — «благородное» поведение. Но экономическая наука исторически во многом формируется как результат буржуазных революций, утверждающих равенство граждан перед законом. Отказ от этого равенства, закрепляющий социальные статусы субъектов в нормах права, по-видимому, противоречит нравственным установкам многих экономистов и требует соответствующей явной репрезентации и обсуждения.

Приобретение хозяйственными субъектами политической власти означает разрушение прежних социальных норм не только на уровне индивидов и фирм, но и государств. Если вернуться к анализу «меморандума Саммерса», то нравственная проблема не в переносе «грязных» производств в бедные страны, но в позиции Всемирного банка. В этой международной финансовой организации доминируют, естественно, богатые страны. И если бы в меморандуме отстаивалась позиция *приоритетного финансирования переноса именно «грязных» производств*, что автоматически означало бы уменьшение кредитования других, относительно «чистых» инвести-

ционных проектов, это действительно свидетельствовало бы о специфических нравственных установках экономиста Л. Саммерса. Тогда, разумеется, имело бы место слияние рыночной и политической власти и — если угодно — формирование чего-то, напоминающего «глобальный феодализм». В меморандуме этого не предлагается, и Саммерс ничего о подобных приоритетах не говорит. Конечно, если позволить финансировать Всемирному банку подобные проекты, это может привести к негласной смене приоритетов, такое можно *подозревать*. Естественно, в длительной перспективе это означает утрату доверия к авторитетной международной организации и разрушение социальных норм, на которых основано международное сотрудничество. Бедные страны начнут рассматривать Всемирный банк как ещё одно «орудие господства» богатых стран в геополитике, а заявления о том, что Банк оказывает помощь в социально-экономическом развитии, станут восприниматься как лицемерные. Этого достаточно, чтобы отвергнуть меморандум Саммерса как противоречащий действующим социальным нормам — и уменьшающий благосостояние всего мира в длительной перспективе.

Но Хаусман и Макферсон, анализируя и критикуя нравственные основания «экономики благосостояния», обходят эту проблему. Их пример показывает, что нравственные ценности требуют прямой репрезентации, когда речь идёт о сфере действия социальных норм. В противном случае критика сделок, которые увеличивают благосостояние и продавца, и покупателя, становится сомнительной и позволяет, в свою очередь, упрекнуть оппонентов в ханжестве.

Инструментальные приложения

По нашему мнению, объединение политической и рыночной власти приводит к негативным последствиям — снижению благосостояния — и тем самым противоречит нравственным установкам экономиста. Данное утверждение во многом банально и редко оспаривается открыто. Тем не менее оно часто игнорируется при разработке мероприятий экономической политики, которые опираются на определённые нравственные основания, лежащие, в свою очередь, в основе нормативных теоретических суждений. Так, моральное требование защиты прав и интересов слабых субъектов лежит в основе марксистского положения о необходимости общественной собственности и соответственно слияния политической и экономической власти. Частный случай такого требования — «коллективизация сельского хозяйства» и введение общественной собственности на землю.

Другим примером морального оправдания объединения властей является введение международных экономических санкций по отношению к «стране — изгою», нарушающей «права человека». В этом случае предполагается, что запрет на доступ к передовым технологиям, а также эмбарго на поставку ряда ресурсов и оборудования заставит народ страны, являющейся объектом санкций, изменить политический режим. Последнее, если исходить из позиции сторонников санкций, приведёт к росту благосостояния и в данной стране, и — косвенно, за счёт последующего развития торговли — во всём мире.

Коллективизация земли и модель стимулов-санкций

Одним из основных аргументов противников сталинизма является «уничтожение крестьянства» и голод во время первой пятилетки. Однако конфискация «излишков» хлеба и передача земли, скота и техники в коллективную собственность в результате органи-

зации колхозов сами по себе не являлись непосредственными причинами голода. Колхозы не были ни «лагерьями смерти», ни даже «трудовыми колониями», в которых использовался труд заключённых. Голод возник из-за резкого сокращения поголовья скота и птицы, а также уменьшения посевных площадей — согнанные в колхоз крестьяне *потеряли стимулы* для производительного труда. После голода первых лет объём сельскохозяйственного производства стал увеличиваться, хотя эффективность аграрной сферы продолжала оставаться крайне низкой до самого распада СССР.

Конечно, советская коллективизация была бы невозможна без политических решений и насилия. Именно на это и указывают критики, увязывающие создание колхозов и кампанию по «раскулачиванию» непосредственно с личностью И.В. Сталина. Но такая ситуация имела место и в условиях совсем иного политического строя, который, однако, также совмещал на первых порах *объединение политической и экономической власти*. Как показывает Т. Бетелл, «голодомор» имел место в первых — и весьма демократических — поселениях английских колонистов в Америке — в Джеймстауне и Плимуте: «При самом скромном прилежании колонисты могли бы жить вполне удовлетворительно... наступила катастрофа: «времена голода». За шесть месяцев население сократилось с примерно 500 человек до 60.

Один очевидец написал о голодных временах: «Голод был настолько велик, что дикаря, которого мы убили и схоронили, самые отчаявшиеся из нас опять вырыли и съели; умиравшие друг друга варили и тушили с травами и кореньями». Он продолжает: «Ужасно об этом рассказывать и вряд ли можно поверить в то, что мы пережили, но причиной были мы сами, отсутствие предусмотрительности, прилежания и управления, а не скудость и непригодность страны, как обычно считается»...

Колонисты бездельничали, потому что большинство из них подписало договор, который обязывал их трудиться семь лет, внося плоды своего труда *в общий котёл*, до получения статуса полноценного колониста. Они не платили за свой переезд, и предполагалось, что они своим трудом возместят компании эти расходы»³³.

33. Бетелл Т. Собственность и процветание. М: ИРИСЭН, 2008. С.53-54.

Очевидно, что Виргинская компания не собиралась устраивать «голодомор» (тем более, что она несла прямые убытки от смерти колонистов). Но и ВКП(б), создававшая колхозы, которые по своему организационному устройству мало чем отличались от уже работавших тогда государственных заводов, шахт, фабрик, пыталась добиться экономического роста, а не уничтожения советского народа. Если применить к оценке мер по коллективизации в СССР известное выражение Талейрана, получится, что «это хуже, чем преступление, это — ошибка».

Конечно, признание того, что какая-либо экономическая реформа была ошибочной, не снимает ответственности с её авторов и организаторов. Но главной претензией к сталинской модели социализма всё же являются не такие «отклонения», но слияние политической и экономической власти основных социальных акторов. Невозможно не согласиться с тем, что отсутствие частной собственности означает одновременно и отсутствие свободы слова, свободы передвижения, других гражданских свобод. Именно такая концентрация власти и собственности делает возможным осуществление реформ, подобных коллективизации. Является ли работоспособной и эффективной альтернативная модель демократического социализма, описанная Й. Шумпетером? Ответ пока неизвестен: проблема перестала быть актуальной.

В дополнение к этому замечанию можно добавить и экологические проблемы СССР. Несмотря на очень жёсткие нормы предельно допустимых концентраций вредных веществ в воздухе, воде, почве, эти жёсткие нормы повсеместно не выполнялись. Право на нормальную экологию вступало в противоречие с правом на труд. Естественно, что в рамках социальных норм эти противоречия не могли быть урегулированы. Напротив, в рамках рыночных норм, как показывает Р. Фрэнк, налоги и торговля квотами на загрязнения позволяют и сохранить рабочие места, и сократить выбросы вредных веществ³⁴. Но в условиях общественной собственности такие мероприятия были бы бессмысленны: государственные предприятия слабо реагировали бы на стимулы — санкции, связанные с охраной природы. Абсолютным приоритетом оставалось выполнение

34. Фрэнк Р. Дарвиновская экономика: свобода, конкуренция и общее благо. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. С. 278–285.

плана по выпуску продукции. Именно от этого показателя зависело и положение руководства, и зарплата работников предприятий.

Полезность санкций и мировой экономический порядок

Международные торговые соглашения, включая те, которые регулируются Всемирной торговой организацией, основаны на представлениях о равенстве и взаимной выгоде участвующих в экономическом обмене субъектов. Выгоды, которые получают участники международного обмена, в принципе те же, что и выгоды субъектов обычного рыночного обмена, происходящего в рамках одной юрисдикции. Однако в последнем случае отказ от заключения контракта между фирмами на основе того, что в одной из них не принимают на работу людей определённого вероисповедания, этнической принадлежности или сексуальной ориентации, выглядит абсурдом. Нарушения прав меньшинств, если таковые имеют место, должны рассматриваться судом данной страны. И если такое нарушение противоречит действующим законам, владельцы и менеджмент фирмы понесут наказание.

В случае международного обмена ситуация несколько иная. Поскольку «глобальное правительство», защищающее права человека, отсутствует, то вместо него выступают государства, руководители которых вроде бы должны придерживаться благородных принципов. Экономические санкции к тем странам, которые ведут себя неблагородно, внешне выглядят вполне логичными. И тогда по отношению к «плохим политическим режимам» можно ввести соответствующие ограничения в торговле, инвестициях и научно-техническом сотрудничестве.

Тем не менее, если придерживаться логики либерализма в анализе международных экономических отношений, введение санкций практически равносильно дискриминации в отношении отдельных участников рынка. Подобные мероприятия в теории хорошо изучены и ведут к снижению благосостояния дискриминируемых субъектов. Благосостояние тех, кто осуществляет дискриминацию, также снижается, хотя обычно и в меньшей степени. При

этом цель восстановления нарушенных *политических* прав меньшинств с помощью *экономических* санкций не достигается никогда, что, в общем, сейчас уже общепризнанный факт. Логичным продолжением санкций является вооружённое вмешательство — только в этом варианте развития событий мероприятия, призванные ослабить экономику противника, морально оправданны. В противном случае применение санкций представляется *мстью, наказанием*, вызывающим снижение благосостояния «провинившейся страны». Это приводит к снижению благосостояния и тех социальных групп, права которых якобы пытаются защищать с помощью санкций.

Применение санкций, очевидно, возможно только со стороны богатых государств к менее богатым и слабым, и представляет собой яркий пример слияния экономической и политической власти. Сама возможность санкций, применяемых богатыми и сильными, — и невозможность симметричного ответа бедных и слабых иллюстрируют наличие в мире *иерархии государств*, которые являются *неравноправными участниками* международного обмена. Очевидно, что сохранение такого мирового экономического порядка выгодно тем, у кого больше прав. Но тогда, учитывая саму специфику юридической конструкции «прав человека», а также наличие иногда диаметрально отличающихся друг от друга культурных институтов в разных юрисдикциях, *предлог для введения санкций можно найти всегда*. И санкции могут вводиться каждый раз, когда рост отдельных развивающихся стран и появление новых транснациональных монополий будет угрожать сложившемуся экономическому порядку.

Таким образом, либеральный экономический порядок может оправдать санкции только в случае, если они являются прологом к военным действиям; тогда их можно рассматривать в большей степени как политические, нежели экономические. В противном случае они разрушают конкуренцию, создают односторонние преимущества и снижают уровень благосостояния.

Случаем, когда адресные санкции не только могут, но и должны приветствоваться, является коррупция и отмывание доходов, полученных незаконным путём, в том числе и при уходе от налогов. Тем более, что такие санкции направляются против от-

дельных акторов, а не стран, и должны способствовать укреплению либерального экономического порядка. В соответствии с этим, казалось бы, имущество и средства российских олигархов и бывших чиновников должны были бы проверяться фискальными органами западных стран особенно тщательно и в тесном взаимодействии с отечественной налоговой службой. Но этого до сих пор не происходило, и, судя по резонансным делам Б. Березовского, Л. Невзлина, С. Полонского и многих других, законность происхождения богатства российских субъектов, ставших инвесторами в иностранных юрисдикциях, интересует зарубежные фискальные органы весьма редко.

Ещё более прозрачным случаем, казалось бы, должно являться использование международной помощи. Как пишет Р. Раджан: «Кения, страна, которая живёт на международную помощь (её годовой доход на душу населения в 2006 году составил 463 доллара), платила своим депутатам базовую заработную плату порядка 81 000 долларов, освободила их от налогов и предоставила им ряд льгот и привилегий, которые фактически удвоили их реальную зарплату. В год, когда в стране свирепствовала засуха, любимым автомобилем депутатов был Mercedes-Benz E-класса, к которому прилагалась «базовая» месячная компенсация накладных расходов на автомобиль в размере 4 179 долларов. Депутаты *имели наглость* (курсив наш. — П.О.) отклонить закон о помощи пострадавшим от засухи, потребовав в то же время повышение компенсаций за накладные расходы на автомобиль, ссылаясь в своё оправдание на плохое состояние дорог в соответствующих округах...»³⁵. За этим последовали какие-либо санкции против кенийских политиков? Нет. Мировой банк и Международный валютный фонд пересмотрели условия предоставления помощи, сделав её более адресной? Нет, Раджан об этом ничего не пишет, зато указывает что «главная причина, по которой развивающаяся страна не может накопить сколько-нибудь значительных сбережений, состоит в том, что правительство создаёт большой дефицит и занимает средства на его финансирование. Обычно этот дефицит возникает из-за перерасхода по социальным выплатам и субсидиям *политически значимым сегментам населе-*

35. Раджан Р. Линии разлома: скрытые трещины, всё ещё угрожающие мировой экономике. — М.: Изд. Института Гайдара, 2013. С. 139.

ния (курсив наш. — П.О.), то есть вследствие действия политической логики, а не экономических соображений»³⁶.

Дж. Перкинс предлагает относительно простое объяснение логики санкций и выделения помощи. Санкции применяются против корпораций и правительств тех государств, чьё поведение угрожает интересам США и богатых стран. Напротив, помощь выделяется правительствам тех государств, которые «правильно голосуют» в ООН, поддерживая интересы США и богатых стран. Причём помощь выделяется вне зависимости от степени коррумпированности, вдобавок ещё и неявно предполагается, что и помощь, и кредиты будут растрачены неэффективно, так что и бедная страна, и вороватые чиновники будут полностью зависеть от политических кругов США. В противном же случае помощь направят оппонентам действующего режима неудобной страны, на поддержку деятельности сектора некоммерческих организаций³⁷.

Такой порядок нельзя назвать либеральным и ведущим к общему процветанию. Даже если новые обвинения Перкинса и его коллег несправедливы³⁸, репрезентация нравственных установок экономистов, поддерживающих такую мировую систему, остро необходима. Слияние политической и экономической власти, проявляющееся в решениях клуба богатых стран о санкциях, заставляет думать, что идеи марксизма на Западе всё же победили, хотя и весьма странным образом. Но экономисты, которых Д. Хаусман и М. Макферсон относят к магистральному направлению, предпочитают этого не замечать.

36. Там же. С. 138–139.

37. См.: Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. М.: Pretext, 2005.

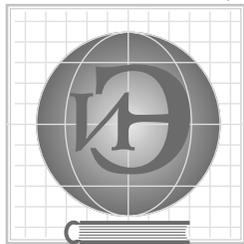
38. Игры экономических убийц / Под ред. Стивена Хайата. М.: Претекст, 2007.

ЛИТЕРАТУРА

- Ариели Д.* Поведенческая экономика. Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- Беттелл Т.* Собственность и процветание. — М.: ИРИСЭН, 2008.
- Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. — М.: Дело ЛТД, 1994.
- Бьюкенен Дж.* Границы свободы (между анархией и Левиафаном). В кн. *Бьюкенен Дж.* Сочинения. — М.: «Таурис Альфа», 1997.
- Веблен Т.* Теория праздного класса. — М.: Прогресс, 1984.
- Зиберт Х.* Эффект кобры: Как избежать заблуждений в экономической политике. — М.: Новое издательство, 2005
- Игры экономических убийц.* Под ред. *Стивена Хайата.* — М.: Претекст, 2007.
- Левин М.И., Покатович Е.В.* Проституция и мораль: модельный подход к исследованию. Источник: http://www.hse.ru/data/560/907/1224/Publ6_Levin.pdf.
- Мертон Р.* Явные и латентные функции. В кн. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. — М.: АСТ, 2006.
- Олсон М.* Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. — М.: Новое издательство, 2013.
- Ореховский П.* Инновационная экономика в свете теории неявного контракта //Общество и экономика, №3, 2011.
- Перкинс Дж.* Исповедь экономического убийцы. М.: Pretext, 2005.
- Познер Р.* Экономический анализ права: в 2 т. — СПб.: Экономическая школа, 2004.

- Раджан Р.* Линии разлома: скрытые трещины, всё ещё угрожающие мировой экономике. — М.: Изд. Института Гайдара, 2013.
- Ролз Дж.* Теория справедливости. — М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
- Саймон Г.* Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS, 1993.
- Саррацин Т.* Германия: самоликвидация. — М.: АСТ, 2013.
- Совесть* — Википедия. Источник: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EE%E2%E5%F1%F2%FC>
- Уильямсон О.* Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. — СПб, Лениздат; CEV Press, 1996.
- Фрэнк Р.* Дарвиновская экономика: Свобода, конкуренция и общее благо. — М.: Изд. Института Гайдара, 2013.
- Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. — М.: АСТ, 2004.
- Хазин М.* Современная монетаристская школа является тоталитарной сектой. Источник: <http://www.iprnpou.ru/article.php?idarticle=009518>
- Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. — М.: Новости, 1992.
- Хаусман Д., Макферсон М.* Философские основания магистрального направления нормативной экономики. В кн. Философия экономики /Под ред. Д. Хаусмана. — М.: Изд. Института Гайдара, 2012.
- Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии №1, 1992.
- Шумпетер Й.* История экономического анализа: в 3 т. — СПб.: Экономическая школа, 2001.
- Шумпетер Й.* Наука и идеология. В кн. Философия экономики. Антология. Под ред. Д. Хаусмана. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
- Яременко Ю.В.* Экономические беседы. Запись С.А. Белановского. — М.: Центр исследований и статистики науки, 1999.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Ореховский П.А.

Критика нравственных оснований нормативной экономики

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Пуцаева Л.Д.*

Компьютерная верстка *Сухомлинов А.Р.*

Подписано в печать 7.04.2014. Заказ №19

Тираж 300 экз. Объем 2,0 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0468-5

9 785994 004685